

Добросовестность как правовая категория: седьмое заседание Клуба имени Замятнина

В 2013 году в общих положениях гражданского законодательства появился принцип добросовестности, восходящий к римскому праву и его *bona fides*.

Этот принцип закреплен в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации и является, пожалуй, наиболее абстрактным и в то же время универсальным принципом гражданского права.

В пункте 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации принцип добросовестности выражен в своей позитивной составляющей, обязывающей участников гражданского оборота «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей... действовать добросовестно».

Пункт 4 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ содержат запрет негативной составля-

ющей добросовестности и говорят о том, что «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения».

Через два года, в 2015-м, были внесены изменения в нормы, регулирующие преддоговорные отношения, в результате чего на них также было распространено действие принципа добросовестности. Так, стороны обязаны действовать добросовестно при вступлении в переговоры о заключении договора, в ходе их проведения и по их завершении. Нарушение этого требования влечет обязанность совершившего недобросовестные действия контрагента возместить потерпевшей стороне убытки. В качестве примеров недобросовестного переговорного поведения можно привести неоправданное прекращение переговоров и введение контрагента в заблуждение.

В 1916 году И.Б. Новицкий писал об объективном и субъективном значении «доброй совести»: «В одних случаях добрая совесть выступает в объективном значении, как известное внешнее мерило, которое принимается во внимание законом, судом, применяющим закон, и которое рекомендуется членам гражданского оборота в их взаимных сношениях друг с другом. В других случаях принимается во внимание добрая совесть в субъективном смысле, как определенное сознание того или иного лица, как не ведение некоторых обстоятельств, с наличностью которого закон считает возможным связать те или иные юридические последствия»¹. Эти умозаключения актуальны и в наше время.

Принцип добросовестности показал себя в отечественной судебной практике как весьма эффективный инструмент развития права и судебного правотворчества, судьейского усмотрения. Можно, наверное, говорить о том, что он как норма делегирует судам функцию развития права. Однако у этой позиции есть и противники, утверждающие, что нельзя отдавать на откуп судьям, имеющим различные представления о стандартах справедливости, столь мощное орудие, как практическое применение принципа добросовестности, а также объем возможностей, который предоставляют методы юридического толкования норм.

Применение правового метода «равным за равное» нередко сталкивается с конфликтом общей правовой формы и конкретного житейского случая. Происходит это из-за того, что меняющаяся социальная реальность требует адекватных норм, а справедливость – коррекции права. Однако значит ли это, что правоприменитель свободен в своем усмотрении? И какой должна быть российская правовая система с учетом применения принципа добросовестности? Эти и многие другие вопросы, связанные с реализацией принципа добросовестности, активно обсуждались на очередном, седьмом заседании Клуба имени Замятнина.

Рассуждая о добросовестности как непреходящей ценности, секретарь Пленума Верховного Суда Российской Федерации, председатель Совета судей Российской Федерации, профессор, доктор юридических наук Виктор Викторович Момотов отметил, что «любое общество заинтересовано в снижении конфликтности и гармоничном развитии. Это можно обеспечить лишь признанием – сначала в широком смысле обществом, а затем и в форме закона – непреходящих человеческих ценностей, которые обеспечивают учет взаимных интересов в общественных отношениях». Такой абсолютной для правового государства ценностью, по мнению Виктора Викторовича, и является добросовестность. Как и любой ценностный императив, она предполагает определенный стандарт поведения, который должен «соблюдаться сторонами правоотношений, рассчитывающих на получение благ при реализации взаимных интересов».

Идея о формировании такого стандарта и наполнении категории добросовестности справедливостью действий по отношению к другому человеку была развита судьей Верховного Суда Российской Федерации Иваном Васильевичем Разумовым, который сказал, что «понятие добросовестности не является идентичным понятию справедливости», а стандарты поведения, «которые не просто приняты в обществе на современном этапе его развития, но и поддерживаются правом, соответствуют целям законодательного регулирования тех или иных отношений, т.е. представляют собой дух закона... очень близки к обычаям». Безусловно, закреп-

¹ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6.

ление принципа добросовестности на нормативном уровне, а также реальное воплощение в жизнь стандартов позволяют формировать и развивать обычаи, комфортную среду для совершенствования гражданского оборота.

«Справедливость субъективно воспринимается каждым судьей, который является обычным человеком, исходя из той жизненной ситуации, в которой он находится, традиций, заложенных при воспитании, национальных ценностей, свойственных тому или иному народу», – отметил Иван Васильевич. По его словам, при рассмотрении конкретного дела судебское усмотрение может быть выражено в использовании принципа добросовестности, но только в качестве экстраординарной меры и «лишь тогда, когда применение правовых норм общего или специального характера, аналогии закона приводит к результату, противоречащему целям и задачам правового регулирования». При этом, поскольку суд вынужденно отходит от обычно применяемых им норм, мотивировочная часть его решения должна быть тщательно проработанной и обосновывающей необходимость обращения к принципу добросовестности.

Напомним, что вопросы пределов судебское усмотрения обсуждались на предыдущем заседании Клуба². А его первое заседание было посвящено реализации принципа справедливости³.

В выступлении Ивана Васильевича также вызвал особый интерес анализ действующего законодательства о банкротстве с точки зрения действия принципа добросовестности. Приведем несколько цитат из его доклада: в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁴ (далее – Закон о банкротстве) «довольно много норм, содержащих неоднозначные или противоречивые предписания. Суду необходимо определить смысл этих норм с помощью принципа добросовестности. Так,

Закон о банкротстве, с одной стороны, предписывает контролирующим лицам при появлении признаков банкротства в разумный срок предпринять все зависящие от них разумные необходимые меры, направленные на предупреждение банкротства должника; а с другой стороны, возлагает на руководителя обязанность подать в суд заявление о банкротстве. При этом возникновение у должника признака неплатежеспособности не свидетельствует само по себе о возникновении у него объективного банкротства, ведь совокупный размер его обязательств может не превышать реальную стоимость активов. Неплатежеспособность может возникнуть, в частности, вследствие временного отсутствия денежных средств из-за сезонности производства». Это мнение еще раз показывает, что применение принципа добросовестности в повседневном экономическом обороте формирует стандарты поведения, позволяющие ожидать от стороны предсказуемого и прозрачного поведения по исполнению ее обязательств.

В.В. Момотов отметил особую роль судов в реализации и толковании принципа добросовестности, объяснив ее особенностями самого принципа, который, будучи «оценочным и абстрактным понятием», применим в конкретной жизненной ситуации только при наличии широкой сферы судебного усмотрения. Кроме того, Виктор Викторович рассказал, как принцип добросовестности применяется высшей судебной инстанцией: «Верховным Судом сформулированы правовые позиции по целому ряду значимых категорий дел. Например, страховая компания, частично выплатившая страховое возмещение, не вправе ссылаться на отсутствие страхового случая, поскольку своим поведением она фактически признала, что страховым случаем имел место. По тем же причинам лицо, частично погасившее заем, не вправе ссылаться на отсутствие договора займа». Верховный Суд Российской Федерации (далее – Верховный Суд), оценивая действия микрофинансовых организаций, которые начисляют кабальные проценты, и решая «сложный вопрос о соотношении принципов свободы договора и добросовестности, указал, что встречное предоставление

² См.: Судейское усмотрение в ситуации выбора: возможности и ограничения // Судья. 2019. № 7. С. 40–45.

³ См.: Эксперты обсудили тему справедливости как правовой категории // <https://www.zhurnalsudya.ru/news/2840/>

⁴ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

по договору займа не может быть основано на несправедливых договорных условиях, наличие которых следует квалифицировать как недобросовестное поведение. Бессрочное начисление процентов по договору микрозайма и отсутствие каких-либо ограничений их размера противоречат существу законодательного регулирования».

Виктор Викторович поделился с участниками заседания своим пониманием добросовестности в праве: «Это модель поведения, основанная на доверии к контрагенту, предполагающая честность лица, которое вступает в правоотношения с целью реализации законного интереса, учитывает взаимный интерес противной стороны, не причиняет ей вреда и не создает угрозу причинения вреда иным лицам». Поэтому у нас есть все основания утверждать, что Клуб становится настоящей научно-практической площадкой, где в ходе дискуссий рождаются новые правовые определения, способствующие развитию науки и судебной практики.

Сергей Васильевич Асташов – судья Верховного Суда, специализирующийся на рассмотрении гражданских дел, проанализировал в своем выступлении особенности применения принципа добросовестности судами при рассмотрении конкретных дел и отметил, что действие этого принципа не ограничивается только материальным правом – не менее актуально его воплощение и в процессуальном поведении сторон. В качестве примера процессуальной недобросовестности Сергей Васильевич привел спор страховой компании с гражданином о возмещении ущерба после ДТП. В первой инстанции страховщик оспаривал только размер возмещения ущерба, не затрагивая иные факты, имеющие отношение к сути рассматриваемого дела, однако в апелляционной инстанции он, используя раскрытые в ходе слушания дела в нижестоящем суде доказательства, изменил позицию и настаивал на том, что вообще не должен возмещать ущерб. Суд согласился со страховой организацией, но Верховный Суд отменил это определение, указав, что процессуальное поведение страховой компании было недобросовестным.

Сергей Васильевич также высказал мнение, что принцип добросовестности применяется в случаях, когда норма, регулирующая соответствующее правоотношение, отсутствует или когда у суда возникла необходимость дать верное толкование другой норме права, подлежащей применению в конкретном деле. В заключение своего выступления С.В. Асташов еще раз обратил внимание на универсальность принципа добросовестности для гражданского и гражданского процессуального права, а также на тесную связь данной категории с эстоппелем.

В.В. Момотов поддержал докладчиков в том, что принцип добросовестности актуален и в процессуальной плоскости, отметив, что введение суда в заблуждение должно стать экономически невыгодным, иначе «ложь в суде рискует стать нормой». Тем не менее процессуальные аспекты «доброй совести» остаются весьма дискуссионными, поскольку необходимо учитывать роль суда в состязательном процессе в целом.

Виктор Викторович заметил, что суду следует занимать активную позицию при оценке соблюдения сторонами принципа добросовестности. Это в полной мере соответствует не только российской концепции состязательности процесса, но и принципу справедливости, предполагающему установление баланса интересов сторон на основе содержательного, а не формального

подхода к обстоятельствам дела. Именно поэтому Пленум Верховного Суда в Постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁵ разъяснил, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения.

«В российском законодательстве отсутствуют правовые механизмы, необходимые для противодействия недобросовестному процессуальному поведению в гражданском процессе с использованием уголовного и административных процессов», – такими словами продолжила тему процессуальных особенностей применения принципа добросовестности Виктория Алексеевна Бурковская, адвокат АБ «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры». В своем выступлении она сделала основной акцент на чрезмерном влиянии правоохранительных органов на экономические споры, указав, что «большинство корпоративных споров в России сопровождается уголовным преследованием, цель которого, в зависимости от пожелания псевдопотерпевшего, может заключаться либо в сборе доказательств для граждан-

⁵ Бюллетень ВС РФ. 2015. № 8.

ского судопроизводства, либо в создании непреодолимых препятствий для представления своей позиции одной из сторон процесса. Достигается эта цель альтернативно — путем изъятия в ходе обыска всех необходимых документов и передачи их заинтересованной стороне, которая впоследствии представляет незаконно полученные доказательства в суд, либо посредством задержания процессуального оппонента».

Адвокат привела примеры зарубежных норм, которые могли бы быть инкорпорированы в российское процессуальное законодательство с учетом особенностей отечественной правовой системы. Среди них она рекомендовала изучить практику применения таких институтов английского права, как *conspiracy*, «который позволяет привлекать к гражданско-правовой ответственности в случае недобросовестного сговора (как с целью совершить правонарушение, так и с целью достичь каких-либо законных результатов, но недобросовестными способами)», и *intimidation of court*, «на основании которого суд может привлечь лицо к ответственности за воспрепятствование рассмотрению дела судом».

Intimidation of court несколько схож с российским институтом неуважения к суду, хотя его стандарты доказывания, по словам В.А. Бурковской, значительно ниже, чем стандарты, предполагаемые составами ст. 294 «Воспрепятствование осуществлению правосудия» и ст. 297

«Неуважение к суду» Уголовного кодекса Российской Федерации⁶. В качестве примера, побуждающего стороны к добросовестному поведению в процессе, спикер привела практику английских судов, использующих раскрытие документов по делу: «Одной из основных гарантий добросовестности сторон в английском и американском гражданских процессах являются процедуры *disclosure*, или *discovery*, которые обязывают стороны раскрыть все доказательства, имеющие отношение к делу, даже свидетельствующие против позиции стороны». Впрочем, в этом контексте следует упомянуть ст. 65 действующего Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁷, которая прямо устанавливает: «Каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом, если иное не установлено настоящим Кодексом». Представляется, что суды, в том числе общей юрисдикции, могут активнее использовать эту норму в рамках судебного усмотрения и реализации принципа добросовестности. Конечно, эти положения были бы куда эффективнее,

⁶ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁷ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

если бы их нарушение приводило к негативным последствиям, аналогичным тем, что предусмотрены за нарушение процедуры *disclosure (discovery)* в английском праве, – отмене обеспечительных мер, полученных с нарушением обязательства о полном и добросовестном раскрытии доказательств; отказу в удовлетворении иска, привлечению к уголовной ответственности за воспрепятствование правосудию, возложению всех издержек на недобросовестную сторону. «Именно поэтому честность и добросовестность становятся экономически выгодными для участников английского процесса», – подытожила Виктория Алексеевна.

И.В. Разумов в свою очередь отметил, что принцип добросовестности не позволяет злоупотреблять субъективными правами, осуществлять их во вред другим лицам, что включает в том числе использование эстоппеля. Однако, например, в банкротстве эстоппель «не работает, поскольку сторонами сделки являются должник и кредитор, а эффект от нее противопоставляется другим кредиторам, которые не являются стороной этой сделки». Виктория Алексеевна также выразила сомнения в эффективности эстоппеля в российской судебной практике, перечислив лишь некоторые из множества вопросов, возникающих при его использовании: «...процессуально вызывает сложности применение принципа эстоппель в случае, когда иностранное решение было

получено при введении суда в заблуждение или с использованием доказательств, полученных незаконным путем. Вопрос остро стоит в случае признания иностранных решений в России или иных юрисдикциях. Вправе ли суд отказать в признании иностранного решения, если ему будет сообщено стороной, что другая сторона ввела иностранный суд в заблуждение либо совершила мошенничество / фальсифицировала доказательства? Может ли такой вывод быть сделан в рамках процедуры признания решения, при которой полного пересмотра всего дела не происходит? Изменится ли ситуация, если сторона ранее заявляла этот аргумент в иностранном суде, но он не был принят?» По мнению В.А. Бурковской, в российской правовой доктрине требование о добросовестном поведении в иностранном процессе не является частью принципа добросовестности, если только не противоречит публичному порядку.

В завершение приведем слова В.В. Момотова, которые как нельзя лучше отражают общее мнение о добросовестности: «...соблюдение принципа добросовестности – это свойство развитой правовой культуры и условие стабильного развития государства и общества. Применение критериев добросовестности не только в зале судебного заседания, но и в повседневной жизни позволит создать пространство взаимного доверия и прозрачных правил игры».

В Москве пройдет IV Всероссийский юридический форум по реформе гражданского законодательства

18 сентября 2019 года в Москве в «Известия Холл» состоится IV Всероссийский юридический форум «Реформа гражданского законодательства: некоторые новеллы и их судебное толкование». Мероприятие проводится уже в четвертый раз и неизменно вызывает интерес среди представителей юридических профессий, поскольку затрагивает наиболее сложные вопросы российского гражданского права. С каждым годом форум приобретает все большую известность благодаря авторитетному составу спикеров.

Программа форума представлена тремя блоками: «Корпоративное право: ключевые проблемы и перспективы развития», «Судебное толкование общих положений ГК РФ о договоре», «Земельный участок как единый объект недвижимости. Возвращение к законопроекту о вещных правах».

Чтобы посетить мероприятие или посмотреть прямую трансляцию, нужно предварительно зарегистрироваться на официальном сайте <http://www.conf.garant.ru>.